

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2022.1.019

**РОМАН «СКУТАРЕВСКИЙ» КАК ТВОРЧЕСКАЯ
ЛАБОРАТОРИЯ «ПИРАМИДЫ» Л. М. ЛЕОНОВА****Ю. Л. Василевская**

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье рассматривается роман Л. М. Леонова «Скутаревский» в качестве предтечи и творческой лаборатории, «черновика» для итогового произведения писателя «Пирамида». Все основные персонажи «Скутаревского» при перенесении в «Пирамиду» сохранили свои сюжетные функции, хотя и были представлены уже в ином философском освещении. Опальный священник и успешный кинорежиссёр из «Пирамиды» в «Скутаревском» составляют пока ещё единый образ главного героя. Такую же раздвоенность демонстрирует «вестник нового мира» Женя, в «Пирамиде» превратившаяся в двух разных персонажей, хоть и связанных отношениями «творец – творение». В целом стремление системы персонажей обоих романов к удвоению, дроблению демонстрирует сложный путь, по которому шло авторское осмысление смены мировоззренческих ориентиров русского мира.

Ключевые слова: Л. М. Леонов, «Скутаревский», «Пирамида», двойничество, советская литература, производственный роман.

Своеобразным черновиком последнего романа Л. Леонова «Пирамида» традиционно считается фрагмент «Мироздание по Дымкову» (1974, 1987), хотя «ангельская тема», как доказала А. И. Филатова [10], возникает в творчестве Л. Леонова гораздо раньше этой публикации в «Новом мире». Впервые ангел появляется в леоновском рассказе 1922 года «Случай с Яковом Пигунком». При этом образ ангела да и в целом сюжет рассказа пока ещё не имеют явных точек соприкосновения с итоговым леоновским романом. Однако, как мы полагаем, систему персонажей, ряд мотивов, образов и тем «Пирамида» определённо унаследовала из романа 1932 года «Скутаревский».

В исследовательской литературе особенности этого типичного, казалось бы, «производственного романа» о буднях исследовательского института и о строительстве в молодом советском государстве новых мощных электростанций рассматриваются, как правило, либо в историко-философском контексте [2; 3], либо изучаются отдельные аспекты (роль экфрасиса, музыки, мифологемы и др.) [1; 4; 5; 6; 8]. В целом

© Василевская Ю. Л., 2022

«Скутаревский» (особенно на фоне массы исследований, посвящённых «Пирамиде», «Вору», «Соти», «Дороге на Океан») незаслуженно обделён исследовательским вниманием, хотя, по нашему мнению, является своеобразной писательской лабораторией, в которой Л. Леонов впервые опробовал основные сюжетные ходы будущей «Пирамиды» и создал основные типы персонажей этого романа.

Решение вопроса о том, что именно из «Скутаревского» было перенесено в «Пирамиду», как было изменено и с какой целью, выходит за рамки, которые позволяет одна статья, поэтому мы сосредоточимся только на рассмотрении «трансплантации» и произошедшей при этом трансформации основных персонажей и связанных с ними сюжетных функций.

Сюжет «Пирамиды» строится на двух главных сюжетных линиях: 1) о. Матвей Лоскутов искушается дьяволом Шатаницким, 2) режиссёр Сорокин искушается роковой красавицей Юлией Бамбалски. Медиаторами между ними служат Дуня Лоскутова и приведённый ею в этот мир ангел Дымков. Роман в целом тяготеет к антитезным образованиям (ангел – дьявол, вера – атеизм, церковь – цирк и т.д.), которые причудливо, в духе карнавальной логики меняются местами.

Сюжет «Скутаревского» построен по практически схожему принципу. Все его основные персонажи имеют своих «двойников» в «Пирамиде». В помощнике Скутаревского, молодом человеке новой эпохи, Черимове безошибочно опознаётся Никанор Шамин. Он здесь так же служит сразу двум «господам»: «старому» – Скутаревскому с его верой в силу отдельной личности и «новому» – Ленину. С Черимовым так же, как и с Шаминым, связана одна из любовных линий романа.

Петрыгин, шпион и диверсант, изображён в тех же inferнальных тонах, что и дьявол Шатаницкий (который в своей человеческой ипостаси тоже связан с научной сферой). Петрыгин искушает, совращает и провоцирует. Его окружает сонм «мертвецов», «бывших людей», в который роковым образом оказывается вовлечён сын Скутаревского – Арсений (и с тем же итогом). Последний в свою очередь один в один повторяет судьбу сына Матвея Лоскутова – Вадима. Его (так же, как и Вадима с Никанором) связывает с Черимовым давняя дружба. Даже основную характеристику Арсения (то, что Черимов назвал склонностью к «интеллигентному истеризму») Л. Леонов без изменений перенесёт в «Пирамиду», где она превратится в «мистерику» Вадима Лоскутова.

Подобных однозначных, прозрачных, узнаваемых заимствований в «Пирамиду» из «Скутаревского» будет перенесено достаточно много. Однако есть и не столь однозначные.

Образ профессора-физика Сергея Скутаревского в «Пирамиде» будет расколот на двух очень разных героев, да и сам Скутаревский внутри своего сюжета имеет как минимум одного двойника – банщика Матвея (приём удвоения автор будет активно использовать и в других своих рома-

нах). Скутаревский – гений-одиночка, хозяин собственной «горы», с высоты которой он смотрит на человечество. Он Прометей, который в буквальном смысле несёт свет людям – строит и модернизирует электростанции, работает над более совершенными способами передачи энергии. Однако его обособленность становится источником его трагедии. Коллективизм, растворение в массе в итоге станет для него единственным способом избавления как от трагедии творческой неудачи, так и от трагедии старения. Собственно весь путь героя показан как примирение с новой «верой», «просвещённым язычеством», отказ от «готики», от «горы» ради спуска в «долину жизни». Обособленность Скутаревского дополнительно подчёркивается его «двойником» – нелюдимым банщиком Матвеем, который также претерпит в конце романа благую метаморфозу. Образ бани, включённый здесь в один ряд с образом церкви (и та и другая возвращают людям чистоту), является, разумеется, прозрачной аллюзией на образ вечности в представлении Свидригайлова. Отказ от заточения внутри индивидуальной веры («баньки с пауками») становится для обоих героев желанным восстановлением утраченной связи с раем, что явно показано в финальной сцене празднования Первомая. Но перед обретением этого рая Скутаревскому придётся пройти через искушение (фаустианские мотивы являются в романе одними из самых важных) так же, как и о. Матвеев в «Пирамиде».

Но из образа Скутаревского родился не только образ опального священника, пребывающего в вынужденном «подполье», но и образ успешного режиссёра Сорокина. Так же, как профессор в снежную ночь подбирает замёрзшую, не по погоде одетую загадочную девушку, так и для Сорокина судьбоносной станет точно такая же, при тех же обстоятельствах состоявшаяся встреча с Дуней Лоскутовой. И тот и другой герой связывает со случайной спутницей надежду на исцеление: Сорокин – на излечение от творческого бесплодия, Скутаревский – от страха старости.

Мотив творческого бесплодия в «Скутаревском» будет отражён в ещё одном персонаже – художнике Фёдоре Скутаревском. Однако если в «Пирамиде» Сорокин не смог преодолеть искушение и погиб как творец, то Сергей и Фёдор Скутаревские были исцелены слиянием с «материей», с коллективом.

Загадочная девушка Женя, подобранная профессором, в «Пирамиде» также «раздвоится». С одной стороны она Дуня Лоскутова, с другой – ангел Дымков, «райский житель». Сходство дополнительно подчёркивается андрогинным обликом героини. Женя является воплощением нового поколения сильных советских людей, строителей нового мира. Цель её появления в Москве та же, что и у Дымкова в «Пирамиде». Как ангел назван «исследовательским зондом», который Бог отправил в мир людей, так и причина появления Жени в Москве такая же: она хочет смотреть и учиться. Так же, как и Дымков, Женя лелеет мысль о возвращении на родину. Её жизнь по-первобытному проста: «Булка и яблоки – вот её пища,

пища богов и кроликов». [7, с. 251] Будущий ангел Дымков в «Скутаревском» пока ещё не играет важной сюжетной роли, не является связующим звеном между разными сюжетными линиями, а становится всего лишь одним из факторов грядущего преображения главного героя.

Показательно, что в «Скутаревском» нет персонажей, символизирующих материальную жизнь, жаждущую одухотворения (в «Пирамиде» это, например, фининспектор Гаврилов, следователь Алёша), поскольку материя в этом романе самодостаточна, она не нуждается в схождении духа. Только слияние с материей возвращает героям цельность и смысл, исцеляет от страхов, дарит бессмертие. Поэтому дело всей жизни Скутаревского (передача энергии без проводов, т.е. «нематериальным» способом) терпит неудачу. Поэтому боги и кролики в размышлениях главного героя стоят в одном синонимическом ряду.

При всех этих различиях видно, как создавался каркас будущего романа-наваждения. И тем интереснее, как роман о торжестве материи будет со временем преображён в роман о борьбе духа в плену материи, в произведение «духовного реализма», ибо именно «“духовные реалисты” ставят не временные, а вечные вопросы о смысле жизни и предназначении человека. Объект их анализа – совесть, стыд, вина, память. Их идеалы основаны на христианском миропонимании, взывающем к добру и справедливости [9, с. 75]. Дальнейшее исследование связей «Пирамиды» с романом «Скутаревский» позволит открыть не менее интересные преломления авторской мысли, и, возможно, анализ прототипов героев «Пирамиды», мотивов и символов, пришедших из «Скутаревского», поможет в ряде аспектов лучше понять замысел последнего леоновского романа.

Список литературы

1. Аввакумова Е. А. Музыка в романе Л. Леонова «Скутаревский» // Текст: проблемы и методы исследования. Барнаул, 2003. С. 138–144.
2. Борисова Л. М. Идеи русского космизма в социально-философском подтексте романов Л. Леонова 1920–1930-х годов // Вопросы русской литературы. 2013. № 26 (83). С. 99–111.
3. Воробьёв А. А. Роман Л. М. Леонова «Скутаревский» в историко-философском контексте и его интерпретация // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. №1 (55). С. 87–93.
4. Жукова Ю. В. «Скутаревский» Л. М. Леонова. Экфрасис и его роль в художественно-философской партитуре романа // Родное и вселенское: Национальное своеобразие и мировое значение русской литературы (эстетика, традиции, этнотопика). Ульяновск, 2020. С. 202–215.
5. Заваров Д. В. «Надтекстовый» и «внутренний» автор в романе Л. М. Леонова «Скутаревский» // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2021. №3. С. 100–106.
6. Здольников В. В. Мифологемы «блудного сына» и «горы» в творчестве Л. Леонова 20–30-х гг. XX века // Наука – образованию, производству, эко-

- номике. Материалы XVIII (65) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов. Витебск, 2013. С. 199–201.
7. Леонов Л. М. Собр. соч.: [в 10 томах]. Москва: Худож. литература, 1983. Т. 5: Скutarevский: Роман. 320 с.
 8. Непомнящих Н. А. Мотив шествия человечества в романах Л. М. Леонова // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 158–163.
 9. Редькин В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2018. № 1. С. 71–78.
 10. Филатова А. И. «Пирамида» Леонова: ангел Дымков // Поэтика Л. Леонова и художественная картина мира в XX веке. Санкт-Петербург: Наука, 2002. С. 112–119.

THE NOVEL “SKUTAREVSKY” AS THE CREATIVE LABORATORY OF THE “PYRAMID” BY L. M. LEONOV

Yu. L. Vasilevskaya

Tver State University, Tver

Roman L. M. Leonov “Skutarevsky” is undoubtedly the forerunner and partly a draft for his latest novel “Pyramid”. All the main characters of “Skutarevsky”, when transferred to the “Pyramid”, retained their plot functions, although they were already presented in a different philosophical light. The disgraced priest and the successful film director from “Pyramid” in “Skutarevsky” still form a single image of the protagonist. The same duality is demonstrated by the “herald of the new world” Zhenya, who in the “Pyramid” has turned into two different characters, albeit connected by the “creator-creation” relationship. In general, the desire of the system of characters in both novels to doubling, crushing demonstrates the difficult path along which the author’s comprehension of the change in the worldview guidelines of the Russian world went.

Keywords: *L. M. Leonov, “Skutarevsky”, “Pyramid”, duplicity, Soviet literature, production novel.*

Об авторе:

ВАСИЛЕВСКАЯ Юлия Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества, филологический факультет Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: yuliya-vasilevskaya@yandex.ru.

About the author:

VASILEVSKAYA Yuliya Leonidovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: yuliya-vasilevskaya@yandex.ru.